

“опять перекрашусь в блондина”

Газета -
2003 - 4 сент. -
с. 1, 18

Такеси Китано — Газете

Японский комик, актер и режиссер Такеси Китано вновь удивил публику, показав в конкурсе Венецианского фестиваля фильм «Заточи».

В этой костюмной сказке сам Китано сыграл роль слепого массажиста — виртуозного мастера меча.

Сразу после премьеры с **Такеси Китано** встретился **Антон Долин**.

Вы давно говорили, что мечтаете снять фильм о самураях. Ваша мечта осуществлена?

На самом деле «Заточи» не тот самурайский фильм, о котором я говорил еще четыре года назад. Та идея до сих пор не реализована, но я продолжаю над ней работать. «Заточи» не имеет никакого отношения к тому давнему проекту. Его не так просто осуществить, у меня есть другие обязательства, которые не позволяют мне завершить задуманное. К тому же мне требуется время, чтобы внимательно изучить материал. Это будет более масштабная картина о реальном, а не мифологическом герое, одном из знаменитых японских сегунов. И, конечно, на это необходимо потратить очень много денег. Самураи — давняя моя любовь, еще с детства. Тогда я, помнится, с удовольствием смотрел телевизионный сериал, герой которого был, грубо говоря, японским вариантом Зорро. Как же он мне нравился! В маске ходил и был очень хорошим парнем.

Как вам понравилось играть слепого?

Я хотел бы сказать, что мне удалось развить шестое чувство, раз уж я играю слепого, но этого не произошло. Я закрывал гла-

Фото: AP

за при словах «мотор» и открывал, когда мне говорили «стоп», так что я не ходил весь день с закрытыми глазами, входя в образ. Одна из самых больших проблем для меня была в том, что я очень плохо запоминаю свой текст, поэтому всегда прошу ассистентов писать мне слова на больших плакатах и держать перед глазами, чтобы я мог подглядывать. В этом отношении роль слепого для меня просто губительна.

Окончание на странице 11

“опять перекрашусь в блондина”

Такеси Китано — Газете

Газета — 2003 — 4 сент. — с. 1, 11

Окончание. Начало на странице 01

К тому же с закрытыми глазами мне было сложно уворачиваться от ударов противника. Так что очень часто его меч оказывался в сантиметре от моего лица.

Наверное, в этот раз вам пришлось больше заплатить своему ассистенту, потому что с закрытыми глазами вы не могли видеть, что происходит на съемочной площадке?

Нет. Он хороший человек.

А почему вы решили сделаться блондином и что заставляет вас ходить с выбеленными волосами до сих пор, когда работа над картиной давно окончена?

Волосы я покрасил специально для этого фильма — мне казалось, что блондином Заточи будет смотреться более оригинально. Кстати, покрасился я в день японской премьеры моей предыдущей картины «Кукулы», чтобы во время промо-компания показываться перед публикой только в таком виде. Мне было нужно, чтобы все привыкло к моему новому имиджу и не удивлялись, увидев блондина Заточи. Теперь же рекламный агент фильма требует, чтобы я оставался блондином до тех пор, пока «Заточи» не выйдет в Японии. В день премьеры я моментально перекрашусь обратно в черный. Это мне необходимо для съемок в паре телевизионных фильмов.

Но вам идут светлые волосы...

Что вы говорите! Ладно, тогда после съемок опять перекрашусь в блондина.

Так вы больше похожи на своего коллегу и соотечественника Такаси Миике.

Тогда я еще подумаю, оставаться ли блондином. Я не люблю фильмы Миике, не хочу быть похожим на него. Он страшный какой-то, типичный бандит... Ладно, давайте лучше перейдем к следующему вопросу.

В вашем фильме много комических сцен. Вы заранее придумывали гэги или это получалось спонтанно?

И то и другое. Какие-то сцены мы планировали заранее, какие-то были импровизированы самими актерами. Возьмем, например, сцену, где неумелый Синьити предлагает крестьянам научить их искусству сражения на мечах. Этот эпизод был тщательно спланирован, потому что актерам приходилось выполнять очень сложные движения. Смысл этого гэга заключался в том, чтобы публика смогла понять: все, что они делают, абсурдно и неправильно. Мы были ограничены во времени, и поэтому я поручил постановку этой сцены моему протеже, комедийному актеру. В итоге именно он ставил все аналогичные сцены, многие из которых рождались спонтанно.

Если уж мы заговорили о времени и скорости, то скажите, почему сцена, где Заточи сражается со своим врагом, ронином Хаттори, занимает всего несколько секунд, в то время как чечетку все герои картины бьют минут десять?

Что касается финала, то с момента написания сценария я был уверен — фильм обязан заканчиваться именно танцевальной сценой. В ней я задействовал группу чечеточников The Stripes, которой руководит мой бывший учитель. Знаете, в традиционных японских исторических фильмах есть стандартный финал, когда положительные герои побеждают отрицательных и все крестьяне танцуют на-

циональные танцы. Типичное клише, без которого никуда. Мне самому было интересно, как можно соблюсти традицию, но сделать сцену более оригинальной. Так мне пришла в голову идея чечетки. Кстати, в японской традиции Но и Кабуки используется деревянная обувь, идеально подходящая для чечетки, так что не все здесь выдуманно.

Мне было очень важно придать картине определенный ритмический рисунок. Посмотрите на сцену, где крестьяне работают на поле. Сначала вы думаете, что они просто работают, но постепенно осознаете, что в их движениях есть логика, что на самом деле они двигаются под музыку, которая звучит за кадром. В финале этот скрытый ритмический подтекст обнаруживает себя окончательно. Но, в общем-то, смысл не только в этом, и я бы не хотел, чтобы это было воспринято в столь узком контексте. Это не танец ради танца, но часть общей ритмической схемы, которая включает и батальные сцены, и драматические моменты картины.

С самого начала публика подозревает, что последней станет сцена напряженной и драматической борьбы Заточи с Хаттори. Наверное, отвечая ожиданиям зрителей, режиссер обычно растягивает такие сцены во времени, придумывает душераздирающие подробности. Но я хотел сделать нечто противоположное. Потому что будь то финальное сражение, будь то обычная драка, нужна всего секунда, чтобы понять, какая сторона победит.

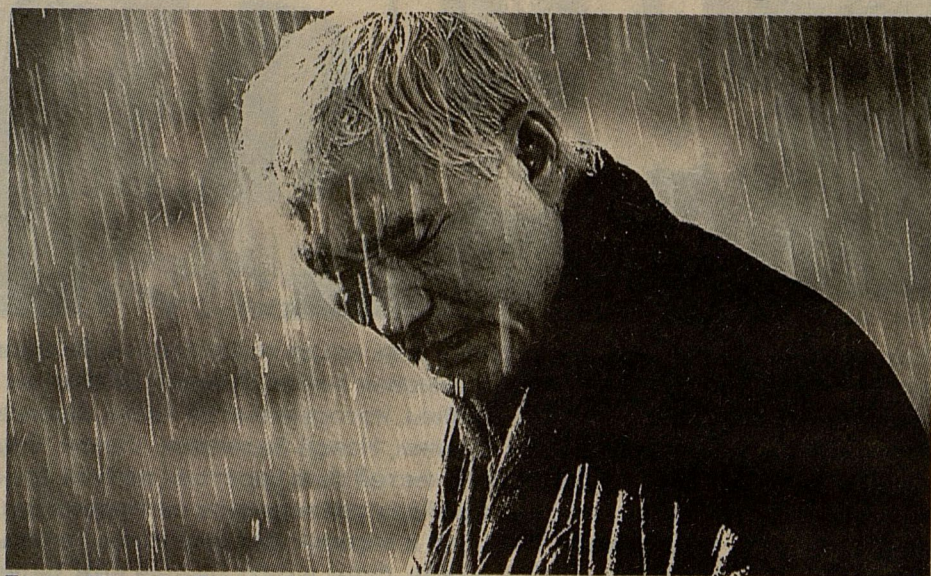
Сцены сражения на мечах похожи на балет. Вы их как-то готовили?

Сцены сражения на мечах — особенно те, в которых участвует Заточи, — бесконечно далеки от классического искусства ведения боя. Заточи извлекает меч из ножен в очень специфической позиции, когда рука обхватывает рукоятку не спереди, а сзади. Таким образом, он совершает очень неестественное движение при ударе. Мне пришлось много работать, чтобы привыкнуть управлять с мечом именно таким образом. К тому же меч Заточи короче обычного меча, поэтому ему приходится атаковать противника с очень близкого расстояния. Так что я внимательно просчитывал расстояние до противника, чтобы все выглядело реалистично, а зритель поверил, что Заточи действительно мог расщепить врага пополам. Батальные сцены давались нелегко еще и потому, что я играю слепого. С закрытыми глазами следить за расстоянием между собой и противником почти невозможно. И если вы находите, что это напоминает балет, то, наверное, потому, что, сражаясь на мечах, вам, как и в балете, необходимо найти ту единственную позицию, которая не позволит получить травму.

Как же вы этому научились?

Когда лет тридцать назад я был начинающим талантливым комиком и выступал на сцене, мой учитель преподавал мне основы боя на мечах — это было необходимо для исполнения ряда комических номеров. Правда, сейчас мне пришлось переучиваться именно из-за ненатуральной техники Заточи. Я бесконечно тренировался. Все мои близкие и коллеги не уставали жаловаться на меня. Дома, к примеру, я испортил все обои — жена была просто взбешена, а вдобавок разбил еще и очень дорогую старинную вазу.

В фильме вы активно используете компьютерные технологии. Это было вызвано техническими требованиями или денежными ограничениями?

Такеси Китано: «В моем фильме постоянно кого-то убивают»

Я использовал компьютерные технологии в батальных сценах — в основном когда кровь хлещет из раны. С одной стороны, ты хочешь, чтобы все выглядело как можно более реалистично, но с другой — вид крови, фонтаном извергающейся из чужого живота, может быть чересчур болезненным для публики, тем более что в моем фильме постоянно кого-то убивают. Я стремился сделать эти эпизоды похожими на видеоигру, в которую будто бы играет зритель, или на мультфильм, создать ощущение виртуальности происходящего.

У картины очень сложная композиция. Вы расписывали все сцены заранее, еще до съемок?

Я никогда не делал раскадровки, ни в этот раз, ни при работе над предыдущими картинами. Конечно, какой-то сценарий у меня есть, но в целом, я считаю, это не главное. Нечего слепо следовать за литературщицей, которая часто выдается за историю.

Почему вы решили сыграть именно роль Заточи, а не Хаттори? Ведь роль Хаттори в определенном смысле более драматичная и романтическая, он больше похож на персонажей, которых вы играли раньше.

Честно говоря, я об этом не думал. Может, я и правда должен был играть Хаттори. На самом же деле, когда моя старинная подруга предложила мне участвовать в этом проекте, она особенно подчеркнула, что приглашает меня именно на роль Заточи.

Ориентировались ли вы на работы Акиры Кurosавы, с которыми многие сравнивают ваш новый фильм?

Я хотел стилизовать две сцены под старые фильмы Кurosавы. Вообще-то костюмером на моей картине была Кадзуко Кurosава, дочь режиссера. Так вот, когда я снимал сцену сражения под дождем, стараясь сделать ее «под Кurosаву», она стояла прямо за моей спиной и мы вместе смотрели на монитор. Я тогда ей сказал: «Кадзуко-сан, эту сцену я посвящаю вашему отцу, его фильму «Семь самураев». И знаете, что она ответила? «Совсем не похоже». Потом я снимал другую сцену, когда деревенский дурачок бежит вокруг дома крестьянки и изображает самурая, я подозвал ее и спросил: «Кадзуко-сан, а как вам это?» Но, увы, она

сказала, что я опять ошибся. Так что я-то хотел сделать как Кurosава, но уж если его собственная дочь полагает, что получилось барахло, мне ответить нечего.

А вы не боялись, что сравнение с Кurosавой будет не в вашу пользу?

Не могу сказать, что на меня во время съемок так уж давил авторитет Кurosавы. Я делал совсем другие вещи, я живу в другую эру и принадлежу к иному поколению. В его время было возможно уделять куда больше времени работе над фильмом. Кurosава мог позволить себе быть очень грубым, даже жестоким с артистами. Поступи я так же — актеры бы все разбежались. К тому же если бы я просто шел по его пути, то перестал бы быть собой.